

УДК 821.161.1 (Исаева Е.) + 82-14

Л.Д. ГУТРИНА,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры современной русской литературы
Уральского государственного педагогического университета
(г. Екатеринбург, Российская Федерация)*

РАССЛОЕНИЕ ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ КНИГИ СТИХОВ Е. ИСАЕВОЙ «СТРЕЛОЧНИЦА» (2007)¹

Рассматривается внутренне противоречивый и многослойный образ лирической героини книги стихов Е. Исаевой «Стрелочница», внешне тяготеющий к образу «сильной женщины»; элементы рамочного комплекса книги, её мотивная структура и тип лирического субъекта исследуются в связи с проблемой художественной целостности лирической книги.

Ключевые слова: современная женская поэзия, женские гендерные роли, лирическая книга, мотивная структура лирической книги.

Стихотворения московской поэтессы и драматурга Елены Исаевой, активно публикующейся с 1992 г., трактуются по преимуществу тематически: «Исаева – поэт глубоко личной и, в сущности, единственной темы», – утверждают В. Забалуев и А. Зензинов [2]. «О, любовная тема – едва ли не лейтмотив сборника “Сквозной сюжет”!» – пишет Е. Сафонова [7]. «Елена Исаева – один из современных корифеев любовной лирики... тема очерчена резко, как участок на Клондайке, и разработана глубоко и профессионально... Эта “узкая тема” любви и страсти, изложенная на бумаге, сама по себе делает честь автору», – утверждает Н. Богатова [1]. Указывается специфика стиля Исаевой: тенденция к идилличности, некоторая патетичность поэтической речи наряду с её приближенностью к нейтральному слову [7], афористичность [1].

Единогласное мнение критиков о том, что именно в любви реализует себя героиня поэтических книг Исаевой, заставляет пристальнее всмотреться в её облик. Книга Е. Исаевой «Стрелочница» интересна как воплощенным в ней процессом самоидентификации лирической героини, овнешненным в мотивной структуре, так и в связи с проблемой конструирования целостности лирического высказывания в книге стихов. Лирическая книга, согласно О.В. Мирошниковой, «представляет собой системное художественное единство второго уровня, основанное на продуманном автором или его редакторами плане расположения и взаимодействия стихотворений, лейтмотивных цепочек и циклов-разделов различных жанровых ориентаций, собордированных друг другу и всей системе как взаимосвязанные элементы. Жанровая целостность составной метаструктуры обеспечивается функционированием архитектурного комплекса: поэтической лексики. Ритмико-мелодического строя, пространственно-временной и субъектной организации, являющихся формализованными «носителями» жанрового содержания, моделирующего авторское мировидение» [6, с. 59].

Название книги Е. Исаевой «Стрелочница» и финальное одноименное стихотворение, как начальный и конечный пункты маршрута поезда, определяют вектор, идущий сквозь

¹Статья выполнена в рамках проекта «Книга стихов как культурный феномен России и Беларуси», грант РГНФ-БРФФИ № 13-24-01001.

всю книгу². Тема железной дороги для неё сквозная. Сначала это метро, возле которого героиня встречает любимого («Ты идешь ко мне навстречу возле станции метро», 18). Метро – это символ возможного счастья: Исаева обыгрывает, обновляет фразеологизм «поезд ушел» – у неё получается так: «Он доведет меня до сквера, Накормит булочкой в бистро. Не уплывай, моя галера! *Не уезжай, мое метро!*» (28). Ближе к финалу книги встреча героини в метро с когда-то любимым мужчиной, как она понимает, совершенно не волнует её: «Это жизнь надо мною смеется. я сама над собой хохочу. Гул колесный в висках отдается – Не-хочу-не-хочу-не-хочу» (81). Гул поездных колес – как «шум времени», которое привело к серьезным глубоким изменениям в ней: от понимания любви к мужчине как самого главного в жизни она приходит к иному: «Мне так много от жизни не надо, столько взять я уже не могу». В одном из последних стихотворений героиня смотрит из окна станционного буфета на «поезд пролетающий», понимая что «ничего... не хочется – ни денег, ни любви, ни почестей»; она говорит о «почти готовности» жить «законами новозаветными». Хотя стиль стихотворения тяготеет к разговорному («музыка играет разная», «сидишь в каком-нибудь Савелово»), непосредственная его близость к финальному стихотворению книги – «Стрелочница» – придает и ему статус серьезного лирического высказывания.

В стихотворении «Стрелочница» героиня «извлечена» автором из городского тописа и привычной роли; её удел – «только домик, крыльцо и собака. И вода из железного бака». Её удел – аскеза, одиночество, послушание, накрепко связанные с тем самым поездом, который в разные периоды жизни говорил о любви, влюбленности, охлаждении, а теперь стал метафорой жизни как таковой, всего мира, который Исаева сравнивает со сладко спящим младенцем. Ключевые слова этого программного для книги текста – «Ну, иди – ты одна тут живая! Ты одна переводишь тут стрелки. Все другие заботы так мелки! Все другие земные заботы... Нет ответственной этой работы» (113). Героиня «поддерживает порядок» в самом высоком смысле – миропорядок, она «с Небом сотрудничает дружно», «чтобы не было в мире трагедий» (113). Права Е. Сафронова, заметившая: «Поэзия об отношениях мужчины и женщины, хоть и количественная доминанта сборника «Стрелочница», – всё же не главное. ...Для того чтобы понять, что главное, нужно «приподняться» на следующий уровень над самым частым пониманием слова любовь – отношения полов. Этот уровень – библейские истины «Бог есть любовь» и «Возлюби ближнего своего», в котором ближний, как мы знаем, не обязательно спутник жизни или сосед по месту обитания. Ближний – это Человек» [7].

Итак, позиция женщины, по Исаевой, – это позиция мироустроительная, почетная, но важно, что Исаева выбирает для «овнешнения» этой героической роли «стрелочницу», а с этим родом деятельности связан шлейф таких ассоциаций, как дисциплина, выносливость, исполнительность, в конце концов, безобразный оранжевый жилет, связанный со стрелочницами советской эпохи, низкооплачиваемый труд, наконец, ситуация поиска «крайнего» (выражение «искать стрелочника» – искать виноватого). Профессия стрелочницы указывает на родство героини Исаевой с женщинами-труженицами советской эпохи, выполнявшими мужской труд, от которых прямой путь к роли «сильной женщины», утверждаемой и в постсоветском социуме.

Аналогом «железнодорожной» версии героини в книге выступает «каменная» её ипостась – кариатида. Если стрелочница обеспечивает безопасность мира по горизонтали, то кариатида обеспечивает безопасную вертикаль:

Как одинокая кариатида,
Мраморная такая, –
Это, ох, небо нашей любви
Я держу своими руками (30).

К финалу книги единичная судьба героини обретает типичность – в строках:

Пока еще время мое летит,
Свои примерю таланты

²Стихотворения книги «Стрелочница» Е. Исаевой цитируются по изданию: [4]. Номер страницы указан в скобках после цитаты.

На этой планете кариатид,
Где вымерли все атланты.

Мотив силы, трансформирующийся в мотив прочности (а прочность, как известно, свойство металлов и сплавов), становится сквозным для последней книги Исаевой «Сквозной сюжет» [3] – равно как и мотив железной (!) дороги, мотивы рая-ада, греха, прощания. «Я переживу и это, / Ведь я не слабачка вовсе!» [3, с. 10]; «Когда бы я могла! – я всех спасла бы их./ Не бойтесь сильных! – бойтесь только слабых!» [3, с. 45]; «Моя любовь, как тот лисенок,/ которого спартанский мальчик/ украл и под одеждой прятал» [3, с. 69]; «И он твердил мне о порочности/ моей, меня убитой сделав./ Он думал – есть пределы прочности. А оказалось – нет пределов!» [3, с. 119]; далее – уже цитированное стихотворение «Стрелочница» [3, с. 170], и в финале книги, в стихотворении «Откуда идеалы эти...», героиня вспоминает и цитирует некрасовские строки о русской женщине, которая «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»; Исаева цитирует очень коротко, но эти слова становятся «нервным узлом» и будят ассоциации: «А мне достались избы, кони / И все, что с детства обещала / Великая литература» [3, с. 177].

«Рельсово-каменный» ореол вокруг образа лирической героини в «Стрелочнице», да и в «Сквозном сюжете», не определяет её сути. Наряду с этими «тяжелыми» мотивами её образ аранжируется *мотивом полета*: в уже цитированных стихотворениях «летит поезд», «летит время» героини. «Мне говорят: «Ты где?» – а я в полете! Я упиваюсь мелочью любовью» – отвечает героиня (112). Полет связан с образом порхающей бабочки в трех рядом расположенных стихотворениях (91–93). Сначала с бабочкой сравнивается счастье, которое может выпорхнуть, уйти к другому (91). Во втором стихотворении – «Ах, жить бы, по свету порхая...» – от капризной мечты о вольном существовании-порхании героиня движется к чувству радости от того, что «ученик», тот, кто тебе верил и слышал, добивается многого, обретает свободу, долетает до солнца: «Я мира почти не видала, Зато поглядит ученик. Он жизнь познает – как придется – Не только над белым листом. Ну что ж, *долетайте до солнца!* И мне расскажите потом» (92). Наконец, в третьем стихотворении героиня, гадающая на ромашке и пускающая в полет лепестки, произносит слова, в которых узнается она прежняя – сильная, настойчивая, упрямая:

Суеверие вовсе не каждого губит.
Лепестки я упорно пускала в полет.
И на третьей ромашке мне выпало «любит»,
А сначала, что «плюнет» и «к черту пошлет».

...Потому что я выбрала то, что мне надо,
А не то, что навязывала судьба» (93).

Так мотив порхания, придающий облику героини изысканность, нежность, романтичность и утонченность, вновь подчеркивает её силу. Таким образом, контрастные *мотивы камня – железа и порхания, полета* подчеркивают «слабую силу героини», её жажду любви и осознание долга, а кроме того, подчеркивают, что глубоко «земная» природа женщины не мешает ей воспарить. Не случайно одним из адресатов героини оказывается тот, кому она обращает молитвы (14, 32, 33, 46, 90). В связи с этим интересно рассмотреть несобранный цикл о море из 8 стихотворений.

Изначально возникает чувство, что весь цикл о море – это цикл о счастье героини – в детстве, юности и замужестве. Мощная составляющая пафоса – идиллическая, что связано с воспоминаниями героини. Первое стихотворение цикла – зарисовка из детства: героиня вспоминает заплывы с подружкой «на глубину». Время здесь стоит: «И в жизни ничего не изменялось, и не происходило ничего» (56). Аналогичная ситуация воссоздана автором в четвертом стихотворении «морского» цикла. Е. Исаева предлагает зарисовку из жизни семьи, героиня стихотворения – жена и мама: «11 августа 1999 года/ по предсказанию Нострадамуса / должен был наступить/ конец света. Мы с мужем и сыном были на море, / И на столе, покрытом клеенкой в синюю клетку, / лежал огромный арбуз» (59). Мороженое из первого стихотворения («потом мы с ней мороженое ели в кафе на берегу», 56) сменя-

ется здесь арбузом, но идиллия омрачается упоминанием Нострадамуса. Пафос стихотворения, по-прежнему, – приятие жизни, осознание счастья семейного существования, ценности домашнего мира. Клеенка, на которой стоит блюдо с арбузом, переключивается в следующее, пятое, стихотворение: оно о глубоком детстве героини, когда были счастливы её родители: «И мать с отцом, смеясь легко, / На море шли, сплетая руки. Еще им было далеко / До запредельной той разлуки. / И над клеенкою стола свисали листья винограда...». Мороженое, виноград, арбуз – лакомства, удовольствия, являющиеся здесь знаками жизни и счастья – так же, как и центральный пространственный образ цикла – море. Мечта об идиллии звучит и в предпоследнем стихотворении цикла о море – «Нет, не в Подмоскowie на реке...» (62), но воспринимается эта мечта как несбыточная – слишком много глаголов условного наклонения использует Исаева:

Нет, не в Подмоскowie на реке,
Не в лесном каком-нибудь раю...
Я б купила дом в Геленджике,
Я б жила у моря на краю.
Как же хорошо жила бы я,
Дни б тянулись – медленно тихи.
И ко мне бы ездили друзья,
И писали пьесы и стихи...

Обилие таких глагольных форм, предсказание Нострадамуса, упоминание «запредельной разлуки» в «идиллических» стихотворениях готовят читателя к иному витку лирического сюжета. Новая тема «прорастает» в умиротворенных по тональности стихотворениях о жизненных радостях.

Впервые не намеком, а прямо новая тема зазвучит в третьем стихотворении – «Уходите в море, корабли...» (58). Сначала это *тема вины*. Перед нами размышление о разрушении отношений, связей. Море в стихотворении выступает жизненной пустыней, героиня считает виновной в собственном одиночестве и скудости своего существования именно себя: «Виновата в этом только ты, что погасли все до одного». В финале героиня обращается к себе с требованием не гасить огонь окружающих, но поить, питать, утолять жажду.

Внутренний голос преисполненной счастья взрослой женщины – лирической героини – говорит о *расплате* за счастье:

Становясь застенчивой и смуглой,
Шлепанцы снимаю и иду
По песку – горячему, как угли,
Ждущие меня потом в аду.

Здесь используется прием, который для Исаевой становится «фирменным знаком»: нередко образ в её поэзии оборачивается своей противоположностью: так, раскаленный песок на морском берегу, – намек на угли ада в будущем. В последнем стихотворении «морского» цикла – подобный же случай: загоревшая на солнышке героиня встречает подругу, «сгоревшую от горя»:

Она сгорела без остатка,
В её глазах такое горе!
А я конфетка-шоколадка,
Я только-только после моря!

Настойчивая метафоризация слова «гореть» говорит о сосредоточенности героини на теме расплаты и искупления греха, суда божьего. Это то, что возвращает парящую от счастья героиню к земле, это тот груз, что возвращает к памяти о долге.

Постоянное напряжение между желанием счастья и ощущением долга заставляет поставить вопрос о том, от чего же отказывается лирическая героиня ради долга и в ожидании суда. Наиболее отчетливо это видно в группе стихотворений, посвященных музыке, – отдельном звене книги. Нота, звук – образы, возникающие в первом же стихотворении «Стрелочницы»:

Я слышу звук. И я иду на звук
И тетива сгибает тонкий лук.
Олень племя покидает луг.
И звездный циркуль совершает круг.
Я слышу звук. Он так упруг и чист.
И ноту верхнюю легко берет солист...
Прости меня. Сквозь эти свет и тьму,
Печаль и смех, свободу и тюрьму...
Я слышу звук. И я верна ему.
И больше в целом мире – никому.

Значение «звука» здесь неоднозначно; оно может быть трактовано как звук рельсов, гудящих в преддверии появления состава (этим как раз заканчивается книга «Стрелочница»); тогда первое и последнее стихотворения книги образуют «кольцо», подчеркивая верность героини делу «стрелочницы». Но у «звука» имеются и иные коннотации – он связан с «письмом» (образ «тетрадного листа»), требует от героини отречения от кого-то, у кого она просит прощения («Прости меня»), то есть верность звуку приносит кому-то совершенно очевидный вред. Вред от «музыкальности» героини, то есть её крепкой связи с гармонией, еще более очевиден в следующих миниатюрах:

Он любит петь, но не имеет слуха,
И я об этом отзывалась сухо,
И я в усмешке искривляла рот.
Теперь при мне он больше не поет.
Теперь поет он женщине другой,
А виноват слух абсолютный мой (70).

– Мама, хватит стихи сочинять!
Следи за ребенком:
Я же сейчас в лужу наступлю! (73).

В художественной системе Исаевой устремленность к высшей гармонии, мировой музыке, поэзии совершенно очевидно нарушает иную гармонию – гармонию семейного существования, которое для Исаевой – незыблемая ценность. Эта мысль явственно звучит в финале книги, когда Исаева ставит вопросы о расплате и ответственности. Главным аргументом героини, отвергающей «музыку», становится жалость:

Ты бы к ней прислушивалась чаще –
Ведь она была тебе знакома –
К музыке случайной, настоящей,
Больно полоснувшей по живому.

Ведь она в тебе звучала раньше,
Почему ж теперь все реже, реже?..

Слышишь, слышишь? – вон она играет –
Что ж ты не летишь, крыла расправив?
*Потому что музыка сжигает,
Ничего для жизни не оставив...*

Потому что хватит – «ногу в стремя».
И по всем законам мирозданья
*Вдруг однажды наступает время
Пересиливать свои метанья.*

*Чтобы к близким стать добрей и ближе,
Чтобы дать покой им хоть немного...* (103).

Именно жалостью к ближнему пронизаны отношения героини к окружающим: подруге, сгоревшей от горя («И мне её немного жалко...», С. 64), и когда-то любимому мужчине («смотри, ты дождешься! Улыбкою каждой / Ты сам приближаешь развязку! И что же / получишь? С тобой разделенное ложе/ От жалости, мой дорогой, не от жажды... Ведь я-то из тех, кто полжизни на жалость/ растратит, на страсть не оставив и часа») (65).

Возвращаясь к концепции музыки в книге, подчеркнем, что, по Исаевой, творчество в жизни человека, может, и приближает его к мировой гармонии и способствует ей, но вредит гармонии земной. Выбор, который совершает героиня Исаевой, – трудный выбор: её героиня – «стрелочница», которой «и опять приходит в голову рифма, / И не скрывается никуда от неё» (108). Выяснение героиней отношений между собой земной и собой-поэтом, собой прежней – страстной и собой нынешней – страдающей, собой счастливой и собой, расплачивающейся за грехи, делает актуальным для книги образ зеркала, который в данном случае подчеркивает ситуацию поиска героиней верного отражения, адекватного ей самой:

И мне от зеркал никуда не сбежать –
Не надо, не надо меня отражать! (8).

Просто гвозди в стенку вбили –
И не стало голо.
Хорошо, что мы купили
Зеркало – до пола.
И, стихи в ночи слагая,
Я стою совсем нагая (55).

В прежнем зеркале увидишь меня ли? –
Будешь вглядываться – не ошибись.
Очень долго мне стихи заслоняли,
Заменяли настоящую жизнь (108).

Роль зеркал в книге играют витрины (9,13), окошки кафе (9, 109), лица встреченных женщин (13), картины (39). Несложно заметить, что образы зеркал сосредоточены в начале и конце книги, акцентируя ситуацию саморефлексии, всматривания в себя. Итоговым отражением, конечно же, является «стрелочница», но мы понимаем, как богато её «зазеркалье». Образ лирической героини книги Исаевой – это образ путешествующей по своей душе и сознанию женщины, фиксирующей все самое радостное и самое горькое, романтической и практичной, самоотверженной и кокетливой, влюбленной и брошенной, одинокой и окруженной семьей, но *всё время сильной*.

Образ «сильной женщины» в постсоветской культуре, как считает И. Тартаковская, не что иное, как отголосок образа женщины-работницы, который тянется из советской культуры [8]. Но случай «стрелочницы» Елены Исаевой куда сложнее: героиня предстает перед нами и легкомысленной «конфеткой-шоколадкой» в «коротеньком сарафанчике», и ироничной женщиной-поэтессой; в ней подчеркнута и женская прелесть, и выдержка, воля. Согласно Илье Куклину, на конец 1980-х–1990-е годы приходится второй этап развития российской женской поэзии. Критик не называет Елену Исаеву среди тех, кто создавал «женскую поэзию» этого этапа, но представляется, что написанное ею вполне аккумулирует с характеристиками, данными И. Кукулиным: «При всех многочисленных различиях у авторов «женской поэзии» конца 1990-х тоже были характерные общие черты. В характеристиках персонажей каждой из них так или иначе парадоксально сочетались два, казалось бы, противоречащих друг другу эмоциональных комплекса: акцентирование уязвимости, слабости, инфантильности – и силы, напора, энергии, ранее закрепленных скорее за «мужской» поэзией» [5, с. 129].

Образ героини книги Е. Исаевой вырисовывается довольно четко благодаря мотивной структуре, которая строится на уравновешивающих друг друга контрастных парах: мотивы рельсов и камня – мотивы полета, порхания, бабочки; мотивы удовольствия, счастья – мотивы расплаты, греха, вины. Амбивалентное воплощение получают образы, связанные со

словом «гореть»: горячий песок на пляже пророчит раскаленные угли ада, а шоколадный загар не дает забыть о возможности «сгореть от горя». Подобные «перевертыши», встречающиеся в стилевой ткани книги Е. Исаевой, выводят в качестве центральной для книги коллизию поиска своего отражения – и отражение это не только двоится, но невероятно множится, то приближая, то отдаляя вроде бы понятную и знакомую героиню Е. Исаевой от привычных женских ролей.

Список использованных источников

1. Богатова Н. Пределы прочности / Н. Богатова. – М., 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.erfolg.ru/hall/elena_isayeva.htm
2. Забалуев В., Иноформатная традиционалистка / В. Забалуев, А. Зензинов // Новый мир. – 2007. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.litkarta.ru/dossier/piesy-isaevoy/dossier_1302
3. Исаева Е. Сквозной сюжет: стихи / Е. Исаева. – М.: Арт Хаус медиа, 2009. – 192 с.
4. Исаева Е. Стрелочница: стихотворения / Е. Исаева. – М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2007, – 118 с.
5. Кукулин И.В. Двадцать лет пения без аккомпанемента. Взлет и превращения женской инновативной поэзии в постсоветской России / И.В. Кукулин // Имидж, диалог, эксперимент – поля современной русской поэзии: Image, Dialog, Experiment – Felder der russischen Gegenwartsdichtung / отв. ред. Хенрике Шталь, Марион Рутц; Hrsgn. von Henrieke Stahl, Marion Rutz. – Munchen; Berlin; Washington / D.C.: Verlag Otto Sagner, 2013. – С. 117–151.
6. Мирошникова О.В. итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика: монография / О.В. Мирошникова. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. – 339 с.
7. Сафронова Е.Е. Исаева. Сквозной сюжет. Избранное / Е.Е. Сафронова // Зинзивер. – 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zin/2009/2/sa27.html> 6
8. Тартаковская И. «Сильная женщина плачет у окна»: гендерные репрезентации в советской и постсоветской массовой культуре / И. Тартаковская // Аспекты социальной теории и современного общества. Под ред. С.Е. Кухтерина и А.Ю. Согомонова. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000. – С. 155–176 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.genderstudies.info/social/s25.php>

Розглядається внутрішньо суперечливий та багатогранний образ ліричної героїні книги віршів О. Ісаєвої «Стрелочниця», що за зовнішніми ознаками тяжіє до образу «сильної жінки»; елементи рамкового комплексу книги, її мотивна структура та тип ліричного суб'єкта досліджуються у зв'язку з проблемою художньої цілісності ліричної книги.

Ключові слова: сучасна жіноча поезія, жіночі гендерні ролі, лірична книга, мотивна структура ліричної книги.

The article examines E. Isaeva's book «Strelochnitsa» and contradictory, multi-layered image of lyric heroine who tends to look as a strong one. The elements of the book, its motif structure and the type of lyric subject are explored in connection with the problem of artistic wholeness of the book.

Key words: modern women's poetry, women's gender roles, lyric book, motif structure.

Одержано 1.10.2013.